

УДК 821.512.145

СМЕНА МОДЕЛЕЙ МИРА В ТАТАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 1906–1908 ГОДОВ

Д.Ф. Загидуллина

Аннотация

Исторические условия начала XX века изменили философское и эстетическое содержание татарской литературы. Желая проследить сей процесс, мы обратились к проблеме трансформации модели мира в национальной литературе. До Нового времени в национальной литературе доминировала религиозная модель мира, где на первый план выходила единственная оппозиция: человек и Бог. Просветительская литература выдвинула на первый план реалистическую модель мира, основанную на контрасте между просвещением и невежеством. В 1906–1908 гг. была предложена совершенно другая модель мира: трансцендентальная, где появилось несколько оппозиций. Такая модель позволила напластовать новые приемы, заимствованные из западноевропейской и русской литератур, на традиционные восточные структуры.

Начало XX века по праву считается временем зарождения новой татарской литературы, ускоренного развития татарской культуры, «золотым периодом» в национальном литературном процессе. И бурное развитие татарской периодической печати, издательского дела, и новая культурологическая ориентация – от Востока к Западу – стали импульсом для формирования новых тенденций в литературе. Но самое главное – к началу века татарское общество воспитало целую плеяду образованных молодых людей, часто продолжавших свое обучение в университетах, знающих русский и европейские языки, чувствительных к новым литературным веяниям, желающих развивать свою литературу до общеевропейских высот, поставивших задачу реформирования татарского общества, общественно-философской, эстетической, научной мысли, культуры.

«Изменения в содержании и структуре татарской литературы той эпохи были настолько значительны, что вызвали много споров, дискуссий по поводу «целесообразности» подобных изменений», – пишет Ю.Г. Нигматуллина [1, с. 109]. Процесс трансформации национальной литературы интересует исследователей и сегодня. Мы решили рассмотреть данную проблему, проследив особенности образования новых моделей мира в татарской литературе 1906–1908 гг.

Современная литературоведческая наука пришла к мнению о том, что художественное произведение – это элемент целой системы: «действительность – сознание – модель мира». Цепочку можно продолжить.

Описание внутреннего и внешнего мира личности, отношения человека к окружающему миру является «сверхзадачей художественного текста» [2, с. 14].

В литературном произведении отражается субъективный мир его автора, единица человеческого мышления, мировосприятие личности как представителя определенной эпохи, общества, нации. Модель мира, проступающая в структурной и содержательной ткани произведения, превращает текст в продукт национальной культуры, общественной мысли, выявляет его связь с эпохой и национальным литературным процессом.

Обыденному, и даже художественному сознанию свойственна не научная картина мира, а некая модель, образ мира. В большинстве случаев модель мира формируется благодаря бинарным оппозициям. Бинарная оппозиция – универсальное средство познания мира, которое особенно активно использовалось и было осознано как таковое в XX в. [4, с. 50]. Термин стал знаменит в литературоведении благодаря символистам. Именно символизация является одним из способов концептуализации знаний человека о мире и о себе.

Вкратце проследим ситуацию на материале татарской литературы. До Нового времени в национальной литературе доминировала религиозная (в том числе – суфийская) модель мира, где на первый план выходила единственная оппозиция: человек и Бог. Разные модификации данной оппозиции: человеческое/божественное; земная жизнь/небесная жизнь; ложь/истина; временность/вечность; убожество /красота; зло/ добро и др. – в конечном счете приводили к идее о том, что единственная истина, настоящая красота, к чему человек должен стремиться, – это Бог (Аллах, Илаһи), все хорошее и прекрасное – от Бога. Такая оппозиция выдвинула на первый план «тревожную личность», по классификации К. Леонгарда [5, с. 125]. Такому герою или лирическому герою свойственны робость, покорность, его мучают сомнения, в то же время личность стремится к абсолюту, хочет воспитать в себе качества совершенного человека.

Во второй половине XIX века формировалась татарская светская просветительская литература. Просветители поднимали в своих произведениях наиболее злободневные, с их точки зрения, проблемы национального бытия. Усиление тяги к реалистическому восприятию современной им действительности привело к появлению совершенно иной, реалистической модели мира в литературе, где оппозицией служили две стороны действительности в разных модификациях: новое /старое; просвещение/ невежество; добро/ зло; счастье/ несчастье; живое/ мертвое; духовное/ материальное; бедность/ богатство. Хотя все литераторы были мусульманами, процесс секуляризации выдвинул на первый план изображение реальной действительности, и ирреальность стала служить лишь далеким фоном в данной модели мира. Гипертимическая, деятельная личность стала идеалом [5, с. 117].

Так татарская литература вступила в XX век как литература просветительства, эволюционируя от просветительского реализма к критическому реализму и романтизму [6, с. 54]. И возникшие на фоне просветительского реализма символистские стихотворения Дардменда 1906–1908 гг. выполнили функцию направляющей силы для дальнейших литературных экспериментов, определили вектор дальнейшего развития к критическому реализму и романтизму, модернизму. В творчестве Дардменда была предложена совершенно другая модель мира: трансцендентальная (ирреальная, эфемерная, иллюзорная), где появились

несколько оппозиций и, как результат, новый тип героя-личности. Такая модель позволила напластовать новые приемы, заимствованные из западноевропейской и русской литератур, на традиционные восточные структуры. Это особенно заметно при использовании символов, которые стали знаками одной из сторон оппозиции.

Трансцендентальность заключалась в том, что данная модель объединяла земную и небесную жизнь, человеческое и божественное. Земная, человеческая судьба рассматривалась как часть божественного замысла, который невозможно познать. Как мы отмечали выше, религиозная модель мира, доминировавшая в средневековой татарской литературе, разделяла бытие также на два этапа: земная жизнь и жизнь после смерти; первый из которых – ненастоящий – готовит человека к настоящему. Реальная жизнь понималась как прелюдия к настоящей, когда человек готовится к встрече с Богом, возвращению к нему. В новой же модели человек изображается в момент осознания своего присутствия одновременно в реальной и ирреальной плоскостях. Такая модель расширила границы художественного познания, вывела литературу из рамок мусульманской философии. Начало явления было положено в стихотворениях Дардменда.

Первая оппозиция – реальное/трансцендентальное – сделала объектом изображения бытие вообще и создала нового героя – эмотивную личность, для которой характерны чувствительность и глубокие эмоции [5, с. 133]. Стихотворение «Ятам кайчаклары моңлап...» («Лежу иногда грустя») основано на такой оппозиции. Причиной печали лирического героя становится невозможность познания бытия вообще. Символ бытия – *су, агымсу (текучая вода)* означает и быстротечность, и бесконечность. Рядом с традиционным символом находится другой: *□н/звук, стон*, он становится знаком трансцендентального: «Ятам кайчаклары мо□лап, / □аваны□ тынлыгын ты□лап. / Кил□ □нл□р, колак чы□лап / Диямен: «Ни бу? Нид□ндер бу?» / □авап урынына – г□рли су, / Тур□клек тирб□н□, шаулы!...» (Лежу иногда грустя, / Вслушиваясь в тишину. / Слышатся звуки, в ушах звеня. / Я вопрошаю: «Что это? Из-за чего это?». / В ответ – журчит вода, / Кусты колышатся, шумят!...)*

Здесь у Дардменда констатируется наличие, кроме реальной, земной жизни, чего-то большего, ирреального бытия. О его присутствии говорят *□нн□р/звук*, но человек — эмотивная личность не может познать его, лишь чувствует, что оно — бесконечно, о чем свидетельствует символ *агымсу/вода*.

Символ бытия — *□нн□р* в некоторых произведениях присутствует как *нида/стон*. Например, в стихотворении «Исәрме жил тугай буйлап...» («Прошумит ли ветер по лугам»): «Ис□рме □ил тугай буйлап, / □ылармы кыз мо□ын с□йл□н, / К□л□рме шатланып, к□йл□н, / Агач, таи эчл□ре ша□рап, / Кил□дер бер нида я□рап!...» (Прошумит ли ветер по лугам, / Заплачет ли дева, рассказывая про свою печаль, / Будет ли радостно смеяться, напевая, / Звеня в нутре деревьев и камней, / Приближается стон!...). Здесь образы ветра, девы, ее радости становятся знаками реального. На вопрос лирического героя о будущем реального «приближается стон» ответ ирреального. В данном стихотворении поэт выделяет их взаимосвязанность.

* Здесь и далее – подстрочный перевод.

Многие, особенно краткие стихотворения Дардменда состоят из оппозиции реальное/трансцендентальное. Именно эта оппозиция сыграла свою роль в проникновении философии идеализма в татарскую литературу. Особенно сильно ее влияние на татарскую прозу, где с 1909-х гг. стало модным воссоздание пограничных ситуаций, изображение личности в пограничных состояниях, стали привычными маргинальные герои.

Одна из основных оппозиций в поэзии Дардменда, ставшая лейтмотивом его творчества прошедшее/настоящее. Дистимический герой – серьезный и сосредоточенный на мрачных, печальных сторонах жизни в гораздо большей степени, чем на радостных, позволил поэту расширить рамки изображения мира в татарской поэзии, открыть новые ниши.

Оппозиция использовалась в нескольких модификациях. Особенно часто встречается вариант юность /старость. Возьмем, к примеру, стихотворение «*Үткән көннәр*» («Прошедшие дни», 1903). Юность представлена в нескольких деталях: веселье; друзья; разговоры; интерес красивых девушек. При этом старость или сегодняшнее не конкретизируется, отсутствуют детали, оппозиционные деталям юности. Печаль лирического героя сопровождается фиксированием закона бытия: все проходит, то, что осталось позади, всегда кажется прекрасным. Возникает герой, знающий истину и несущий ее другим. С подобной структурой встречаемся во многих стихотворениях («*Кичә күр, иркәм, нидер иткәннәрем*» и. б.). Меняя детали, составляющие одну из сторон оппозиции, Дардменд трансформирует объект изображения. В стихотворении «*Видагъ*» («Прощание») такими деталями стали: родина, утренний ветерок и любимая. А истина в том, что человек может потерять, оставить родину, любимую... Такая потеря заставляет страдать.

В некоторых стихах приведены детали обоих оппозиционных образов. Например, «*Замана*» («Время», 1906): «*Н алтын белг балчык бу замана, / Белалмыйм: кемг тансык бу замана? / Уенчак, яшь иде яшьлек к немд, / Б ген – карт белг карчык бу замана!*» (Золото с глиною человеческое время, / Не могу понять: кому в радость это время? / Игривое, молодое в дни молодости, / Сегодня – старик со старухой оно!) Прошедшее выступает в деталях: золото, игривое, молодое; сегодняшнее – глина, не в радость, старик со старухой. «*Алтын – балчык, карт – карчык*», по мнению А.М. Саяповой, являются опорными словами-символами высказанной мысли поэта [7, с. 68]. Именно они выражают силу печали о прошедшем.

Такое явление особенно часто встречается в произведениях, где используются парные символы. Как известно, в произведениях суфиев различные модификации парных символов олицетворяют человека и Бога. В стихотворении «*Замана*» символы *алтын* – *балчык* в суфийском прочтении выражают небесную, истинную (*алтын*) и земную, временную (*балчык*) жизнь. Так, у Дардменда есть стихотворение «*Жэй үтте...*» («Лето прошло», 1908). В нем с помощью парных символов – цветка и соловья – передается горечь утраты любви и молодости. Поэт – лирический герой – беспокоится о том, что от любви осталась рана, напоминающая о ней, и сожаление об ушедших днях. В представлении татарского читателя начала XX века этот парный символ существует в двух ипостасях: как суфийская символика, и как образы традиционной восточ-

ной любовной лирики, *гүл* – прекрасная девушка, *соловей* – влюбленный юноша. В рамках суфийской эстетики в стихотворении на первый план выходит иная идея: потеря веры, потеря любви к Всевышнему наполняет душу человека горечью, беспокойством.

Оппозиция юность/старость стала одним из основных лейтмотивов татарской поэзии начала XX века. В творчестве Г. Тукая, С. Рамиева, Ш. Бабича и др. мы находим множество примеров.

Другая модификация — прошлое/ сегодняшнее, где прошлое возникает как печальная история татарского народа, выражает прежде всего неизменный интерес к прошлому. Например, в стихотворении «Каләмгә хитаб» (Обращение к перу, 1906) идеей становятся следующие строки: *«Бабалар кабере янында кәпәл зар, /Аталар рухыны арманд се бар...»* (*У могилы дедов душа рыдает, /Есть надежды духа отцов*) – где отмечается, что надежда отцов связана с печалью, возникающей у могил дедов. Так оппозиция выделяет мысль о том, что только знание национальной истории может разбудить надежду на будущее. Эта модификация стала стимулом к созданию целого пласта прозаических произведений, посвященных славному прошлому татарского народа. А символ *хәраб* (в суфийской эстетике символ трущоб (9-й в списке символов М. Шабистари) означает потерю веры (иман) [8, с. 111]) проходит через всю татарскую литературу начала века, являясь знаком прошедшего в сегодняшнем.

Многие исследователи отмечали, что в человеческой судьбе Дардменд берет две полярные крайности: жизнь/смерть [9, с. 305]. Но и здесь лирический герой констатирует быстротечность и бренность жизни как неизбежность, как закон бытия: *«Исә илләр, кәчә комнар... бетә эз... / Дәрийгә, мөхәммәткә, без дә бетә без!»* (*Века прошли... прошли года! / Пророки и цари отжили свой срок... / За это время, кочуя караван за караваном, / Прошли и ушли из мира сколько стран. / Веют ветры, перемещаются пески... исчезают следы... / Увы, печальная душа, исчезнем и мы!!!*)

Трансформация суфийской оппозиции человек/Бог встречается во многих стихотворениях Дардменда. Например, «Бүзләрем мана алмадым» («Не омочил я саван», 1908) повторяет структуру суфийских стихотворений. Лирический герой, дошедший до конца земного пути, рассказывает о своем отчаянии: он посвятил жизнь любви, жил надеждой лицезреть объект своей любви, найти святой колодец / *зәмзәм*, результат своих стремлений, и омочить саван в этой воде – получить признание. Но его любовь направлена не к Богу, а нации (*иттеләр, кем, бер бәхетсез / Илгә гаһийксы, фәкыйрь. / Бер кызардым, бер бузардым... / Ни таныйм – таналмадым*). Он искал не божественную воду *зәмзәм*, а родник нации (*биэре милләт*). Традиционные суфийские символы *нан*, *мид*, *кыз*, *тау*, *чишим* и *абелхәят* становятся выразителями бесконечной любви к нации, в бинарной оппозиции человек/Бог нация завоевывает место Бога. Любовь, равнозначная смыслу жизни, одновременно выступает символом бессмысленности такой жертвы. Причина отчаяния лирического героя заключается в исторической судьбе татарской нации.

В стихотворении «Кыйтга (Чәчеп сүз дөрләрен...)» («Отрывок (Посея словесные жемчуга)», 1908) есть возможность интерпретации в рамках суфийской эстетики. Кроме того, как и в предыдущем произведении, оппозиция че-

ловек/Бог заменена оппозицией человек/слово (искусство). Традиционно-суфийские символы *д□рл□р* (жемчуга), *тохым* (зерно), *кальб – чырак/ш□м* (душа – огонь/свеча), *гариб* (чужестранец), означающие душевное состояние при определенных этапах приближения к божественному, при таком прочтении служат возвышению слова!

Мы рассмотрели некоторые бинарные оппозиции в символистской поэзии Дардменда 1906–1908 гг. Чуть позже появились символистско-импрессионистские стихи, где также преобладала философия экзистенциализма. По нашему мнению, творчество поэта стала отправной точкой в создании новой татарской литературы. Вслед за ним выступает на литературную арену новое поколение татарских писателей, стремящееся объяснить не только особенности национального быта, но и законы бытия, изобразить действительность и неизведанное, творящее в разных направлениях, течениях, стилях: Ф. Амирхан, Г. Тукай, С. Рамиев, Ш. Бабич, Г. Ибрагимов, Ш. Ахмадиев, М. Гафури, М. Ханафи, Н. Думави, Г. Рахим и др.

В процессах развития можно выделить ключевые моменты, для которых характерен распад единого направления и возникновение альтернативных вариантов, что наблюдается в татарской литературе начала XX в. Как показывает анализ периодической печати, научных, философских, публицистических, критических публикаций, одной из причин распада прежней картины мира является проникновение различных философских концепций, прежде всего идей И. Канта, Ф. Ницше, А. Шопенгауэра, Вл. Соловьева. Но наряду с ними, ирреальная модель мира, предложенная в творчестве Дардменда, сыграла свою роль в становлении татарской литературы начала XX века. Стирание границ между жизнью и смертью, изменение представления о божественном в татарской литературе, утверждение параллельного сосуществования в человеке двух начал – добра и зла (по исламу, следуя определенным нравственным канонам, человек может достичь нравственного совершенства (концепция *в□хдад □л-в□□□д*), выдавливая из себя все негативное: чем меньше негативного – тем больше становится доброе начало), интерпретация любви к Всевышнему и любви к земной девушке как равнозначных чувств, а любви – как силы, способные воссоединить жизнь и смерть, и многие другие тенденции берут начало со стихотворений Дардменда.

Summary

D.F. Zahidoullina. Replacement of the world model in tatar literature in 1906–1908.

Historical conditions of the beginning of the XX century had a certain influence on the philosophical and aesthetic matter of tatar literature. In order to trace the development of the substance of literature, we appealed to the problem of transformation of the world model in the national literature. Until the XX century the religious or theological model of mankind being was dominating, thus giving the only opposition: a human being against the Deity (God). The so-called enlightens' literature advanced a new type of the world model – with realistic component prevailing. The contrast was based on the opposition of knowledge and ignorance. In the 1906–1908 utterly different world model was suggested: the transcendental one, giving several oppositions. That kind of model contributed to introducing in tatar literature many of methods and techniques of european and russian literatures, putting them into traditional oriental structures.

Литература

1. *Нигматуллина Ю.Г.* Типы культур и цивилизаций в историческом развитии татарской и русской литератур. – Казань: ФЭн, 1997. – 189 с.
2. *Белянин В.П.* Основы психолингвистической диагностики. Модели мира в литературе. – М.: Тривола, 2000. – 248 с.
3. *Чернец Л.В., Хализев В.Е., Эсалнек А.Я. и др.* Введение в литературоведение. – М.: Высш. шк., 2004. – 680 с.
4. *Руднев В.* Энциклопедический словарь культуры XX века. – М.: Аграф, 2001. – 608 с.
5. *Леонгард К.* Акцентуированные личности. – Киев, 1989. – 375 с.
6. *Ганиева Р.К.* Татарская литература: традиции, взаимосвязи. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2002. – 382 с.
7. *Саяпова А.М.* Поэзия Дардменда и символизм. – Казань: Изд-во Казан. пед. ун-та, 1997. – 210 с.
8. *Бертельс Е.Э.* Избр. труды. Т. 3. Суфизм и суфийская литература. – М.: Наука, 1965. – 425 с.
9. *Хисамов Н.* Дердеменд // История татарской литературы нового времени (XIX – начало XX века). – Казань: Фикер, 2003. – С. 301–315.

Поступила в редакцию
21.09.05

Загидуллина Дания Фатиховна – доктор филологических наук, профессор кафедры методики преподавания татарского языка и литературы Казанского государственного университета.